

с-20
ЕРЕВАНСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

на правах рукописи

САРАДЖЕВА ЛЮДВИГА АЛЕКСЕЕВНА

АРМЯНО-СЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ
ПАРАЛЛЕЛИ

10.02.02 - Языки народов СССР (армянский язык)
(диссертация на русском языке)

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ереван - 1973

Ереванский Орден Трудового Красного Знамени государственный университет направляет Вам автореферат диссертации Сараджевой Л.А. на тему: "Армяно-славянские лексико-грамматические параллели", представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Работа выполнена на кафедре романо-германской филологии ЕГУ.

Научный руководитель: член-корреспондент АН Арм.ССР,
доктор филологических наук,
профессор Г.Б.ДЖАУКЯН

Официальные оппоненты:
член-корреспондент АН Арм.ССР,
доктор филологических наук,
профессор Э.Б.АГАЯН
Кандидат филологических наук,
С.Б.ТОШЯН

Работа направлена на отзыв в Армянский государственный педагогический институт им.Х.Абовяна.

Автореферат разослан *М.М.Сараджева* 1973 г.

Защита диссертации состоится *10.05.1973 г.* 1973 г. на заседании Совета по присуждению ученых степеней филологического факультета ЕГУ.

С диссертацией можно ознакомиться в кабинете научных работников университета.

Ваш отзыв (в двух экземплярах с заверенной подписью) просим прислать по адресу: Ереван-49, ул. Мравяна I, ЕГУ.

Ученый секретарь
Совета ЕГУ

Г.М.Мнацаканян

ВВЕДЕНИЕ

Одной из доминирующих проблем современной компаративистики является вопрос диалектного членения индоевропейского лингвистического ареала и в связи с этим вопрос об исторических контактах различных индоевропейских языков.

В свете задач, поставленных перед сравнительным языковедением, значительный интерес представляют армяно-славянские лексико-грамматические параллели, обычно мало привлекаемые в этимологических исследованиях.

Выдвижение этой проблемы с необходимостью вытекает из наличия генетически родственных факторов между армянским и славянскими языками, многообразия и сложности языковой конвергенции, затрагивающей кардинальные вопросы фонетики, морфологии и лексики.

В силу изложенного, задачей первостепенной важности является углубленная разработка комплекса вопросов, связанных с необходимостью фономорфологического анализа фактов каждого из сравниваемых языков.

Все тончайшие и многосторонние связи живой действительности могут быть переданы средствами языка, представляющего собой многомерную и многообразную систему. В процессе исторического развития языка от эпохи к эпохе не только изменяются входящие в него единицы, но и обновляется самый его состав: в него входят все новые и новые единицы, другие же постепенно исчезают.

При этом развитие каждого языка определяет свои, свойственные только ему специфические закономерности.

Таким образом, изучение исконно родственных единиц в сравниваемых языках способствует решению основной проблемы сравнительного языковедения и познанию частных законов развития как армянского, так и славянских языков.

В истории генетически общих элементов проявляется история самой основы каждого данного языка, история того, что составляет сущность его специфики.

Вследствие этого, с историей именно этих единиц (т.е. единиц, общих родственным языкам именно в силу их родства) свя-

зана традиции данных языков как таковых, т.е. как целых систем, являющихся в каждый данный момент важнейшим средством общения в соответствующем обществе.

Особая лингвистическая ценность изучения генетически общих элементов объясняется тем, что при исследовании родственного материала мы имеем дело отчасти с различным, отчасти с одинаковым развитием исконного индоевропейского наследия.

В связи с этим имеются благоприятные условия для четкой постановки и решения такого важного вопроса как вопрос об общих закономерностях развития языков.

Осуществление поставленной задачи предполагает возможно более полное освещение современного состояния науки в области исторических связей индоевропейских языков, включая армянский и славянские языки, и места вышеозначенных языков в рамках индоевропейской лингвистической общности.

В соответствии с установками сравнительно-исторического языкознания основными критериями при исследовании конкретного материала являются: а) установление армянских и славянских моделей /имеются в виду наиболее древние письменные памятники классического армянского языка (грабара) и старославянского языков/; б) их отношение к исходной общеиндоевропейской модели; в) выявление общих тенденций развития, прослеживаемых как в армянском, так и в славянских языках.

Принципиальное значение приобретает установление того лингвистического ареала индоевропейской общности, который дал начало как армянскому, так и славянским языкам.

Ввиду этого широко используются как грамматические, так и лексические критерии, что обусловлено высокой аргументированностью ареальной лексики и убедительностью лингвистического решения в определении древнейших диалектных связей, существовавших в доисторическую эпоху¹. Причем изучение лексических пластов дает, по-видимому, основание отнести так называемый фонд индоевропейской лексики к различным хронологическим плос-

1. Лексические критерии широко используются в последних работах В.Порцига, В.Георгиева, Г.Зольта, Э.А.Макаева, Г.Б.Джаукяна, О.Н.Трубачева и др.

костям, что имеет немаловажное значение при решении проблем этногенеза.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и перечня использованной литературы, включающего 210 наименований.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МЕСТО АРМЯНСКОГО И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В СИСТЕМЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

В первой четверти XIX века фундаментальными трудами Ф.Боппа, Р.Раска, А.Лотта, Я.Гримма, А.Х.Востокова были заложены основы сравнительного изучения индоевропейских языков.

Если не считать отдельных попыток применения сравнительного метода к армянскому языку, имевших место до XIX века¹, то впервые мысль о научном сопоставлении грамматического строя и лексического состава армянского языка с другими индоевропейскими языками была почти одновременно высказана в 1837 году Х.Абовяном и немецкими учеными Г.Петерманом и в 1836 г. Ф.Виндидманом (в статье, опубликованной в 1846 г.).

В начале XIX века армянский язык причисляли к иранской (или мидийско-персидской) ветви индоевропейских языков. Эту точку зрения разделяли Ф.Виндидман, Ф.Мюллер, П.де Лагард, К.Патканян и др.

Вопрос о месте славянских языков не получил однозначного решения. В трудах К.Цейсса, Я.Гримма, А.Шлейхера получила строгое обоснование концепция германо-балто-славянского единства. Мнение об изначальности германо-балто-славянской близости разделяли Э.Лоттнер, Г.Курциус, А.Фик, Р.Хассенкамп.

Противоположную точку зрения высказал в 1853 году Ф.Бопп. Исходя из трактовки гуттуральных, он противопоставлял греческий, латинский, ирландский и германский языки индоиранскому и балто-славянскому. По мнению Ф.Боппа, это различие объяснялось

1. См. Г.Б.Джаукян. О первых попытках применения сравнительного метода в истории армянского языкознания АН Арм.ССР, 1957, № 6.

только тем, что отделение балто-славянских языков от индоиранских произошло значительно позже, чем отделение греческого, латинского, кельтских и германских языков.

В 1875 г. выходит статья Г.Хрбимана "О месте армянского языка в кругу индоевропейских языков", где автор, исходя из сравнения слов, заимствованных армянским языком из иранского с исконными, установил, что армянский язык является не диалектом иранского, а самостоятельным индоевропейским языком, который занимал срединное положение между индоиранскими языками, с одной стороны, и между балто-славянскими, с другой.

Свое признание и развитие эта точка зрения получила в связи с установлением П.фон Брадке диалектного членения индоевропейской области на ветви "satem" и "centum", основанном на переходе в языках типа "satem" (индоиранском, армянском, балто-славянском, фракийском) палатальных в свистящие и шипящие. В языках типа "centum" (греческом, латинском, кельтском, германском) осуществлялась оппозиция велярных и лабиовелярных.

Представители младограмматической школы в языкознании - А.Лески, К.Бругман, Г.Остгоф, Г.Пауль - признавали вышеуказанное диалектное членение чуть ли не как единственно исторически реальное различие; с его установлением получила перевес концепция о балто-славяно-индоиранской близости.

Проблема дифференциального членения индоевропейских диалектов предстала в новом свете благодаря открытиям в 1908 г. тохарского и расшифровке в 1915 г. хеттского языков, которые относились к группе "centum" на востоке индоевропейской языковой области. А.Мейе¹ стал выделять три группы диалектов: западную (италийский и кельтский), восточную (хеттский, тохарский и армянский) и центральную (индоиранский, балтийский, славянский, греческий, германский).

Дж.Бонфанте² включает в западную группу, кроме италийского и кельтского, также германский, в восточную - индоиранский и славянский и помещает между ними на севере балтийский и на юге - греческий.

1. A. Meillet. Les dialectes indoeuropéens. Paris, 1908.
2. J. Bonfante. I dialetti indoeuropei. ANON, 1931, IV.

На основании изучения данных хеттского языка, в частности грамматического строя, который отличался от остальных языков крайним своеобразием, Э.Стертевантом была выдвинута гипотеза о существовании "индохеттской" языковой семьи. Исходя из отражения так называемых ларингальных, хорошо сохранившихся в хеттоком и отразившихся в армянском в виде (h), Э.Стертевант постулировал положение об особой близости хеттского и армянского языков. В связи с этим некоторые американские лингвисты помещают армянский язык между индоевропейскими и хеттскими языками, а В.Остин включает армянский язык в группу древнеанатолийских языков.

Современное состояние в распределении индоевропейских диалектов характеризуется установлением следующих диалектных зон.

В.Пизани дифференцирует 4 диалектные области: центральную (германские, балтийские, славянские, иллирийский, фракийский языки); западную (латинский, кельтский); южную (греческий, оско-ско-умбские языки); восточную (индоиранские). М.Бартоли и Дж.Бонфанте - центральную, куда входят, в частности, славянские и армянский языки, и маргинальную зоны.

Дифференциация древнейшей восточной и западной диалектной области наиболее последовательно проводится В.Порцигом, а также Х.Краз, А.Шерером, А.Камменхубер.

Следует также указать на то, что были предприняты попытки объяснения исторических связей между языками индоевропейской семьи на основании привлечения экстралингвистических факторов, прежде всего археологии и других смежных дисциплин.

Особое место занимает членение индоевропейской языковой общности, предложенное Ф.Шпехтом. Согласно гипотезе Ф.Шпехта, арийцы, армяне и греки не были подвержены влиянию носителей культуры "шнуровой керамики", так как раньше выделились из индоевропейской лингвистической общности. В результате образовался греко-армянский ареал и, с другой стороны, ареал, бывший носителем культуры "шнуровой керамики", куда, согласно Ф.Шпехту, входили италийские, кельтские и балто-славянские языки.

Таким образом, общиндоевропейскими могут считаться лишь те изоглоссы, которые присущи либо армянскому, либо греческому

и какому-либо другому индоевропейскому языку.

Е. Курилович, В. Георгиев, Т. Лер-Сплавинский подчеркивают особую близость между балто-славяно-германскими языками, приводя определенное количество морфологических, лексических и словообразовательных изоглосс.

О. Хаасом выдвинута гипотеза о близости армянского и так называемого дофригийского (*Vorphygisch*) языка, на котором говорили близкие армянам племена, и именно их язык, но не собственно фригийский, был похож на армянский. Согласно О. Хаасу, дофригийский язык занимал среднюю позицию между армянским и балто-славянскими языками.

По мнению Б. В. Горнунга, "индоевропейские диалекты, являющиеся предками "протославянских диалектов", несмотря на все бесспорные связи славянских языков с северо-западными диалектами, первоначально входили в состав древней юго-восточной зоны, куда также входили и прямые предки армян".

На рубеже III-II тыс. до н. э. имела место перегруппировка племен, имевшая прямое отношение к предкам "протославян" и определявшая их дальнейшую судьбу, повлияв на переход в древнюю северо-западную зону.

Таким образом, на основании рассмотренных гипотез можно выдвинуть тезис о среднем положении армянского языка между греческим и дофригийским, с одной стороны, и между индоиранским, с другой. Славянские языки имеют тесные связи как с юго-восточным ареалом, включающим армянский язык, так и с северо-западным ареалом индоевропейской языковой области.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПАРАДИГМАМИ ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО И СТАРОСЛАВЯНСКОГО В ПЛАНЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

Во II главе рассматривается вопрос морфологической структуры слова в древнеармянском и старославянском языках, что достигается при морфологическом членении лексемы на ее составные элементы, т. е. на "чистый" корень, детерминативы, суффиксы; это

позволяет разобщенные и далеко отстоящие друг от друга образования свести в единое целое.

В связи с этим большое принципиальное значение приобретает выяснение и учет стабильности исходной общиндоевропейской словообразовательной модели в системе вышеозначенных языков.

Описание синхронного состояния древнеармянской и старославянской языковых систем позволяет обнаружить словообразовательные модели, занимающие разные позиции в их морфологической структуре и относящиеся к разным историческим пластам.

Наиболее древний пласт индоевропейской лексики представляют основы атематического типа с нулевым суффиксом, неразложимые морфологически: и.-е. **ped-/pōd* "нога", арм. *otn* (им. - вин. падеж, происшедший из винительного), им. мн. *otk*, ст.-сл. *rodъ* "основание", лат. *pēs*, др.-инд. *pāt*, греч. дор. *πῶς* "нога" и т. д.; и.-е. **leuk-* "свет", арм. *loyc* "свет, луч", ст.-сл. *loucъ*, лат. *lux*, др.-инд. *ruk-*.

Основы с нулевым суффиксом отражают характерные особенности, относящиеся к эпохе дофлективного состояния индоевропейских языков^I, и указывают на языковые связи, восходящие к глубочайшей древности.

В процессе эволюции языка осуществлялся многоступенчатый процесс развития и преобразования корневой морфемы, которая не могла существовать как замкнутая структура, всегда равная себе, всегда однозначная в функциональном плане, ибо стационарных состояний в языке быть не может.

Усложненность языковых отношений, проявившаяся в кумуляции и распространении избыточного признака, способствовала образованию детерминативов, возникших еще на общиндоевропейской основе и являвшихся обязательной составной частью индоевропейского корня.

В методике дифференциации детерминативов представляется возможным выделить следующие моменты.

I. Структурная модель "корень + детерминатив" является одним из самых глубоких срезов общиндоевропейского языка.

I. E. Benveniste. Origines de la formation des noms en indo-européen. Paris, 1935.

2. Детерминативы являются одной из конститутивных единиц деривационного уровня.

3. Дифференциация детерминативов в рамках словообразовательной парадигмы как в древнеармянском, так и в старославянском языках возможна при наличии производящей и производной форм, которые выступают в соотносительных парадигматических рядах как в именных, так и в глагольных основах.

4. При строгом и последовательном разграничении как уровня деривации, так и уровня словоизменения.

5. При наличии вариативности (чередований) конечных элементов корня, содержащих более или менее самостоятельный семантический спектр.

Как древнеармянский, так и старославянский языки унаследовали от общиндоевропейской эпохи определенное количество общих структурных признаков, в частности, словообразовательные модели с детерминативными образованиями.

Как известно, различие в дистрибуции детерминативов является одним из существенных признаков, отличающих армянские и славянские словоформы от исходной индоевропейской словообразовательной модели.

В процессе исследования выяснилось, что структурные модели, содержащие детерминатив, представлены, с одной стороны, изоглоссами, совпадающими между собой и образующими пучки, которые восходят к эпохе и.-е. языковой общности и охватывают большинство индоевропейских языков. С другой стороны, обнаруживаются различные пути развития, отражающие, по-видимому, более поздние диалектные особенности: а) в рамках индоевропейской лингвистической общности; б) диалектные особенности в период обособленного существования отдельных языков.

При этом в древнеармянском и старославянском языках, наряду с корнями, содержащими один и тот же детерминатив, представляется возможным выделить следующие деривационные типы, обнаруживающие расхождение в словообразовательных границах:

1) первичный индоевропейский корень в одном из языков выступает в своем первоначальном облике, тогда как в другом языке этот же корень осложнен детерминативом: и.-е. **uel* - "желать", "выбирать", ст.-сл. *volja*, арм. *getj* "желание";

2) осложнение первичного индоевропейского корня различными детерминативами: и.-е. **tēu-*, **tū-*: арм. *t'up* "куст", ст.-сл. *tukъ* "жир";

3) перемещение границ индоевропейского корня вследствие процессов опрощения: и.-е. **k'leu+* детерм. -*s-*: арм. *luic* < **k'lusri-* при ст.-сл. *sluchъ* (от глагольной основы *sluti*).

Таким образом, детерминативы, представляющие конечные элементы корня, выступают как в древнеармянском, так и в старославянском языках в качестве индивидуализированных элементов, могущих сочетаться с любым корнем.

Значительный интерес в плане сравнительной характеристики представляет рассмотрение суффиксов, выступающих в именных и глагольных основах, в частности, различимость древних индоевропейских основообразующих суффиксов.

Как в древнеармянском, так и в старославянском языках основообразующие элементы выступали как свертывающаяся категория, что было вызвано рядом причин структурного и фonomорфологического характера:

1. Типологически параллельные фонетические закономерности: а) преобразование индоевропейских дифтонгических сочетаний; б) потеря количественных различий звуков; в) закон открытого слога; г) преобразование сочетаний согласных; д) трансформация индоевропейской системы окончаний.

2. Фонетические закономерности, характерные для праславянского языка: а) ассимилятивное смягчение перед йотом; б) переход лабиализованных гласных заднего ряда после йота в гласные переднего ряда (*jδ > jь*, *jo > je*, *jū > ji*); в) утрата сверхкратких в "слабой позиции".

3. Фонетические закономерности, характерные для древнеармянского языка: а) изменение системы сонантов; б) изменение смычных и фрикативных в позиции перед другими согласными; в) армянское передвижение согласных.

Морфологические законы: 1) закон аналогии; 2) закон функциональной дифференциации; 3) закон доминирования при скрещивании¹.

1. Գ. Ք. Հախումյան, Հին հայերենի հոլովման սխեմանը և նրա ծագումը. Երևան, 1958, էջ 115-122:

Морфо-семантические законы: 1) типологически параллельный закон семантической группировки; 2) типологически противоположный закон элиминирования грамматического рода в древнеармянском языке, наряду с ярко выраженной тенденцией тяготения определенных основ к тому или иному грамматическому роду в праславянском.

Взаимодействие фонетических, морфологических и морфо-семантических закономерностей приводит к появлению новых закономерностей, связанных с "саморегулированием" системы (*System-zwang*).

I. В системе древнеармянского языка перегруппировка тематических и атематических основ привела: а) к образованию основ на гласные (-о-, -а-, -и-, -у-), куда попали индоевропейские основы на *а- и на сонанты *i-, *u-; б) к образованию основ на сонанты (-л-, -r-, -t-), куда в связи с выпадением окончаний включились некоторые основы на гласные (и.-е. *sed-lo- > арм. *etl*, род.п. *etel*).

II. В старославянском языке в результате процессов переразложения основ, начавшихся еще в праславянскую эпоху, основообразующий гласный отошел к окончанию; основа же стала оканчиваться на твердый, либо на смягченный согласный, но не на гласный.

III. В армянском языке этот процесс намечается в древнеармянский период и кончается в новоармянском языке: и.-е. *yed-o- > др.-арм. *get*, род.п. *get-oy*, тв.п. *get-o-v*, н.-арм. *get* род.п. *get-i*, тв.п. *get-ov*.

IV. Индоевропейские основы на -s- как в древнеармянском, так и в старославянском языках, претерпели индуцирующее воздействие продуктивных о-основ, перейдя впоследствии всецело в эту парадигму склонения.

V. Суффиксация как в древнеармянском, так и в старославянском языках, имела исключительно важное значение, при этом проявилась тенденция к максимальной выразительности суффикса, характеризовавшего определенные лексические категории: использование суффиксов при образовании конкретных и абстрактных понятий, наименований действующего лица и т.д.

VI. Как в древнеармянском, так и в старославянском языках, следует отметить появление расширенных суффиксов на основе

использования индоевропейских словообразовательных элементов: напр. в ст.-сл. суффикс *-es/*os + t- дает суффикс *ostь*, в др.-арм. этот суффикс встречается в форме -es-t, i.

VII. Словообразовательная система древнеармянского и старославянского языков, несмотря на локальные видоизменения исходной индоевропейской словообразовательной модели, характеризуется значительным количеством общих словообразовательных элементов: а) в основах на *o-: *o-, *ro-, *eto-, *ozo-, *lo-, *to- (*do-, *tho-), *no- (*eno-), *tro-, *tlo-, *dlo- *dhlo-, *ko- (*sko-), *iyo- (например, и.-е. *memso- "мясо", арм. *mis*, род.п. *msoy*, ст.-сл. *meso*; и.-е. *swopno- "сон", арм. *k'un*, род.п. *k'noy*, ст.-сл. *snъ*, дат.п. ед.ч. *snou* и т.д.);

б) в основах на *ā-: *na-, *la-, *ja-, *ā- (напр. и.-е. *g'ena- "жена", арм. *kin*, мн.ч. *kanayk'*, ст.-сл. *ženā*; и.-е. *g'isla- "жила", арм. *jit*, тв.п. ед.ч. *jlaw*, ст.-сл. *žila* и т.д.);

в) в основах на *ī-: *ī-, *tī-, (*tei-), *nī-, *rī-, *lī- (напр. и.-е. *eg'hi- "змея, червь", арм. *iž*, род.п. ед.ч. *iži* "гадюка", ст.-сл. *qžь*, род.п. ед.ч. *qži* "уж"; и.-е. *pek- "печь, варить", арм. *haç* < *pok-ti*, род.п. ед.ч. *haçi* "хлеб", ст.-сл. *peštь*, род.п. ед.ч. *pešti* "печь" ж.р. и т.д.);

г) в основах на *ū-: *ū-, *tū- (*teu-); (и.-е. *dom- "дом", арм. *tanu-ter* "хозяин дома", ст.-сл. *domъ* и т.д.);

д) в консонантных основах: *r-, *l-, *n-, *(t)ēr-, *(t)ōr-, *en-, *men/*mon, *mō-, *m (напр. арм. *hayr* "отец", *k'oyr* "сестра", *dustr* "дочь", ст.-сл. *mater* "мать", *děvers* "деверь" и т.д.; и.-е. *ar-m- "приспосабливать", арм. *y-arm-ar* "приспособление", ст.-сл. *jarьmъ* "ярьмо"; и.-е. *septm- "семь", арм. *ewt'n*, ст.-сл. *sedьmъ*);

е) в глагольных основах: I) тематических: *io-, *ne/o-, *ske/o- (и.-е. *g'hen- "ударять", арм. *jnjem* "ударять, бить", ст.-сл. *žьnjь* < *g'enio-) и т.д.; 2) атематических: *ā-, *i- арм. *keam* < *g'iy-a- "живу", *imanam* "понимаю", ст.-сл. *imam* "имею" и т.д.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОСНОВНЫЕ АБЛАУТНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ ВОКАЛИЗМА ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО И СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

В процессе дальнейшей эволюции общиндоевропейского языка усложненность языковых отношений выражалась аблаутом (*φέρω/ φέρωс, tego/ toga*) и тематическими гласными (*φέρω-/φέρεс-*), которые были связаны с формированием тех или иных лексико-семантических категорий.

Традиционно аблаут сводится к двум классическим моделям, отражающим качественные и количественные чередования гласных, в словах, образованных от одного корня (в широком смысле), а также в префиксах, суффиксах и флексиях.

В современном языкознании проблема генезиса аблаута отражается в трех аспектах: фонетическом (К.Бругман, А.Бецценбергер, В.Штрайтберг, Г.Хирт), фономорфологическом (де Соссюр), морфологическом (Ф.Арнольд, Б. де Куртене, Е.Курилович, В.Шульце, М.Лойман, В.Пизани).

Чередования гласных, исторически засвидетельствованных классического армянского и старославянского языков, продолжают, с одной стороны, индоевропейские чередования, с другой - представляют собой инновации, возникшие на почве вышеуказанных языков.

Инновации, отражавшие прежде всего локальные фонетические процессы (как например, в др.-арм. - сужение гласных - переход **ē > i, *ō > u*; в ст.-сл. - переход **ǣ > o, *ō > a*), безусловно, меняли качество противопоставлений, что не могло не отразиться на фонетическом облике корня.

В синхронно-функциональном плане сравнение старославянской и древнеармянской моделей аблаута позволяет сделать следующие выводы:

1) в старославянском языке, унаследовавшем древнюю систему индоевропейского аблаута, чередования гласных выходят за пределы фонологической системы, являясь весьма продуктивным средством реализации морфологических противопоставлений.

Первая модель индоевропейского аблаута, отражающая каче-

ственные чередования *ē:ō*, широко применялась как средство глагольного словоизменения в презенсе тематических глаголов I, II, III классов: I л.ед.ч. *nesq*, 3 л.ед.ч. *nesetъ*; I л.ед.ч. *stanq*, 3 л.ед.ч. *stanetъ*; I л.ед.ч. *znajq*, 3 л.ед.ч. *znajetъ* и т.д. Этот тип чередований характеризовал также именное склонение с основой на "-j" и частично на "-r": ст.-сл. *slon-o*, род.п. ед.ч. *slon-es-e* и т.д.

Особый интерес представляет развитие древнего индоевропейского чередования *ē:ō* при образовании отглагольных существительных: ст.-сл. *vezq* "беру"; сущ. *zъvozъ*; ст.-сл. *vezq* "везу", сущ. *vozъ* и т.д.

Огласовка "о" характеризовала также определенный тип отглагольных категорий:

а) славянские итеративы: *nesti > nositi*;

б) каузативы: *mrěti > moriti* и т.д.

Вторая модель аблаута, унаследованная праславянским языком от общиндоевропейского состояния, оказалась весьма продуктивной на славянской почве и использовалась для выражения древних видовых различий. Индоевропейские количественные чередования *ē/e, ō/o, i/i, ū/ū* трансформировались системой старославянского языка как *e/ě, o/a, ъ/i, ѣ/y*. Продленная степень "ě, a, i, y" характеризовала производные глаголы несовершенного вида как приставочные, так и бесприставочные, полная или нормальная степень "e, o, ъ, ѣ" - глаголы совершенного вида. Все эти чередования представляют собой инновации, возникшие на славянской почве.

За пределами глагольных основ несовершенного вида продленная степень характеризовала славянский сигматический аорист: (напр. *věsz, zěds*), а также отглагольные существительные: (напр. *tvare < tvoriti*).

Внутри глагольной основы следует также отметить чередование нормальной степени и степени редукции "e, o, ъ", реже "ě". Нормальная степень характеризовала основы презенса, степень редукции - инфинитив: *ženq*, инф. *ženati*; *zovq*, инф. *zvati* и т.д.

В качестве вторичных следует, по-видимому, рассматривать такие формы, где степень "e" наблюдается в основе инфинитива, а

ступень редукции - в презенсе: *mrēti*, но *merz*; *tlēši*, но *tlzko*.

В системе древнеармянского языка индоевропейские чередования, соответствующие основной формуле *ē/ō/* нуль, частично трансформировались в зависимости от общих звуковых изменений в додревнеармянский период, частично продолжали сохранять свой облик.

В связи с этим можно выделить два типа чередований: а) чередования, сложившиеся на и.-е. почве; б) новые чередования, возникшие на древнеармянской почве вследствие акцентологических сдвигов.

Чередования **ēn/*ōn/*n* и **ēm/*ōm/*m* трансформируются системой древнеармянского языка как *in/jun/an*. Индоевропейские аблаутные соотношения сохранились достаточно ясно в склонении основ на сонант, являясь зачастую единственным средством дифференциации и выражения падежных значений: (напр. им.п. ед.ч. *hars-n* "невестка", род.п. ед.ч. *hars-in(-en-os)*, тв.п. ед.ч. *hars-amb* (< **-n̄bhi*), им.п. мн.ч. *hars-unk* (< **-on-es*).

В основах на "z" типа *hayz* "отец", *k'oyz* "сестра" индоевропейское чередование *ē/ō/* нуль выступает в несколько своеобразном преломлении:

а) чередование *ē/* нуль: и.-е. **patēr*, род.п. **patrōs*, арм. *hayz*, род.п. *hawz* (*hoz*);

б) чередование *ō/* нуль: и.-е. **pater*, род.п. *pateros*, арм. *k'oyz*, род.п. *k'eiz*.

Чередования в гетероклитических основах сохраняют архаичную индоевропейскую модель, что является одной из характерных особенностей древнеармянского языка. Эта модель включает два подтипа: I) им.п. ед.ч. *varjz* "высокий", род.п. ед.ч. *varju*, тв.п. ед.ч. *varjamb*, им.п. мн.ч. *varjunk*; II) им.п. ед.ч. *p'okz* "маленький", род.п. ед.ч. *p'oku*, тв.п. ед.ч. *p'okumb*, им.п. мн.ч. *p'okunk*. По II подтипу изменяются также прилагательные *manz* "мелкий", *canz* "тяжелый", *anawz* "редкий".

Чередования, обусловленные местом ударения, выступают:

I) при оформлении падежной парадигмы основ на *l*: им.п. *dustz*

"дочь", *astl* "звезда", род.п. ед.ч. *dster*, *astel*;

II) в закрытом слоге некоторые подударные гласные и дифтонги последнего слога, теряя ударение, переходят в другие гласные: "i" и "u" либо редуцируются, либо выпадают, "ē" переходит либо в "i", либо в "e", а дифтонги "ea" и "ou" монофтонгизируются соответственно в "e" и "u".

Примеры:

им.п. ед.ч. *sirt*, род.п. ед.ч. *srti* "сердце";

им.п. ед.ч. *nurb*, род.п. ед.ч. *nrvi* "тонкий, нежный";

им.п. ед.ч. *corean*, род.п. ед.ч. *corenoy* "пшеница";

им.п. ед.ч. *šen*, род.п. ед.ч. *šini* "село";

им.п. ед.ч. *loys*, род.п. ед.ч. *lusoy* "свет".

В открытом слоге дифтонг "ea" монофтонгизируется в "ē" (*ea > ē*), а дифтонг "iu" > "u": им.п. ед.ч. *paštarnēay* род.п. ед.ч. *paštarnēi* "должностное лицо"; им.п. ед.ч. *hoviv* род.п. ед.ч. *hovui* "пастух".

В системе словообразования чередования непродуктивны и в отличие от таких языков как древнегреческий и старославянский имеют тенденцию стираться:

и.-е. **ped-/pod-*: арм. *het* "след" при *otr* "нога".

Таким образом, чередования гласных в системе древнеармянского и старославянского языков в синхронно-функциональном плане имеют различный морфологический статус.

Индоевропейская модель аблаута *ē/ō/* нуль широко используется в старославянском языке для дифференциации древних видовых различий глагола, при функционировании тематического гласного, а также как средство противопоставления производящих и производных основ.

В др.-арм. языке основные типы чередования охватывают определенную категорию имени существительного с основой на сонант и так называемое нерегулярное склонение.

На основании вышеизложенного можно заключить, что чередования гласных в системе др.-арм. и ст.-сл. языков утратили то единство, которое они имели в индоевропейском языке - основе.

1. Գ.Ք. Հանուկյան, Հին հայերենի հոլովման սխեմաը և նրա ծագումը, Երևան, 1959, էջ 393:

Сохранившиеся общие черты представлены лишь в виде реликтов, которые можно объяснить на основании индоевропейской системы чередований.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ В СИСТЕМЕ ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО И СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

Армяно-славянские лексико-семантические схождения выявляют многостороннюю картину пересекающих друг друга областей распространения языковых особенностей. Эти параллели являются отражением сложного процесса образования диалектных ареалов в пределах древнейшей индоевропейской лингвистической общности, состоявшей из значительного количества племенных диалектов, которые под влиянием конкретных исторических условий группировались и разделялись, составляя новые племенные союзы.

Согласно приведенному материалу, общее количество лексико-семантических параллелей, разделяемых армянским и славянскими языками, составляет 253. Это превышает количество изоглосс, разделяемых армянским и германскими языками (150)¹, но значительно уступает армяно-греческим (527) и армяно-индоиранским лексическим изоглоссам (433)².

Среди армяно-славянских лексико-семантических схождений представляется возможным дифференцировать: а) общеиндоевропейские параллели, разделяемые большинством индоевропейских языков; б) изоглоссы юго-восточного ареала; в) армяно-славянские лексические изоглоссы, распространяющиеся и на некоторые другие языки; г) армяно-славянские изоглоссы.

Изоглоссы, которые устанавливаются на основании сравнения материала исследуемых языков, относятся, таким образом, к разным эпохам, что отражает, по-видимому, реальные условия общественной жизни в процессе дифференциации и интеграции, взаимовлияния

1. См. А. Асмангулян. К вопросу о методике этимологических исследований. Автореф. канд. дис., стр. 18.

2 Р. Ачарян. Армяно-славянские изоглоссы. В.Я., 1968, № 5.

и выравнивания, возникавших в разные периоды между языками индоевропейской семьи.

Общеиндоевропейские параллели охватывают наиболее древнюю часть индоевропейского фонда, включающего термины родственных отношений, наименования ландшафтов, явлений природы, частей тела, обозначение времен года, животных, некоторых растений, продуктов пастушеского хозяйства, систему счета от одного до десяти и т.д.

Значительный интерес с историко-генетической точки зрения представляют изоглоссы, разделяемые индоиранским, греческим, балтийскими и славянскими языками. Общая судьба индоевропейского языкового наследия позволяет, по-видимому, сделать вывод о том, что оно в вышеозначенных языках восходит к смежным областям индоевропейского лингвистического ареала.

Согласно исследованию В. Порцига¹, "вся восточная область в целом, включая армянский язык, имеет свое особое и при этом новое название "тумана" **migh-* и **moigho-*, противостоящие западному **nehelojā*: арм. *mēg*, греч. *ομίχλη*, др.-инд. *megha*, авест. *maēya-*, лит. *miqla*, ст.-сл. *męgla*; др.-ирл. *nēl* "облако, туман", др.-англ. *nifol*, др.-в.-нем. *nebal* и т.д.

Важное схождение, относящееся к области духовной сферы, объединяет армянский, индоиранский, греческий, балтийский и славянские языки: арм. *əntēnum* "читаю", др.-инд. *tāra* "проницательный, пронзительный", греч. *τορός* "проницательный", лит. *tariu*, *taėti* "говорит", ст.-сл. *trstora* "речь". Петерсон (*Lunds Univ. Årsskrift*, 1916, p. 90, f) подчеркивает особую связь между арм. *tēt'ak* "хороший оратор" и ст.-сл. *trstora* "речь".

Ряд соответствий объединяет армянский язык с балто-славянской языковой областью:

арм. *gišez* "ночь", ст.-сл. *večesъ*, лит. *vākara* "вечер";

арм. *glux* "голова", ст.-сл. *glava*, лит. *galvā*;

1. В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1958, стр. 251, 280.

арм. *getj* "железа", ст.-сл. *žlěza*, лит. *gėležunes*;
 арм. *olok* "голень", ст.-сл. *lakōts* "локоть", лит. *lōlektis* то же;
 арм. *xarem* "жечь", ст.-сл. *kurja*, *kuriti*, лит. *kuriti*, *kuriti*;
 арм. *jit* "жила", ст.-сл. *žila*, лит. *gyšla*;
 арм. *erz* "граница, край", ст.-сл. *jazъ* "граница", *jezero* "озеро", лит. *ẽžeras* то же;
 арм. *eri* "плечо", ст.-сл. *zits* "podex", лит. *rietas* то же;
 арм. *hun* "путь", род.п. -i, ст.-сл. *patъ*, др.-прус. *pintis* "путь";
 арм. *beran* "рот", болг. *взрна* "губа", лит. *burna*;
 арм. *krsem* "грызть, кусать", ст.-сл. *gryza*, *grysti* лит. *graušti* "грызть";
 арм. *hetum* "лить", рус. поло-водье, лит. *pilū*, *pilti* "лить";
 арм. *lakem* "лакать", ст.-сл. *lokati*, лит. *lakti*;
 арм. *lizem* "лизать", ст.-сл. *lizati*, лит. *liežti*;
 арм. *alkalk* "бедный", ст.-сл. *albkati* "жаждать", лит. *alkti* "страстно желать".

Для оценки языковой близости между армянским и славянскими языками большую роль играет последовательное совпадение нескольких компонентов слова (корень + детерминатив, корень + суффикс). Если при этом мы имеем одинаковое развитие значений, то эти совпадения приобретают особую важность. Сравнение с этой точки зрения армяно-славянских лексических изоглосс выявляет следующую картину:

I. В области словообразования важными параллелями являются:

- а) суффикс **-lo-*, который выступал при образовании причастий прошедшего времени;
- б) арм. *isk* "подлинный, действительный" полностью совпадает со ст.-сл. *istъ*, *istovъ* в том же значении и глаголом *iska* "искать", образованных при помощи суффикса *-sk-* < **stu*;

- в) арм. *anjuk* "узкий" по суффиксальному *-ko-* и по семантике полностью соответствует ст.-сл. *ozъkъ* "узкий";
- г) арм. *etl* < **sedlo* - полностью соответствует ст.-сл. *sedlo*.

В области спряжения выступают следующие морфологические параллели:

- а) арм. *dnem* < **dhē-no-* "кладу, ставлю", ст.-сл. *děng*, *deti* то же;
- б) арм. *stanam* "получаю", ст.-сл. *stanъ* "стоять";
- в) *tam* "даю", ст.-сл. *dajъ* то же.

Только армянский и славянские языки разделяют синтаксическую изоглоссу - совпадение функции предлога "z".

С точки зрения истории культуры особый интерес представляют армяно-славянские лексико-семантические параллели:

- арм. *elevin* "ель", ст.-сл. *elovъcъ* "можевельник";
- арм. *kołr* "ветвь", рус. голья, польс. *galeńż*;
- арм. *tartam* "медленный, долгий, сонный", ст.-сл. *drēmati* "спать";
- арм. *trtum* "печальный", ст.-сл. *dormēti* "печалить";
- арм. *gēr* "жир", ст.-сл. *žirъ*;
- арм. *buin* "бурный, страстный", ст.-сл. *burnъ* то же;
- арм. *gēj* "жидкий", ст.-сл. *židъkъ* то же;
- арм. *slanam* "мчаться", ст.-сл. *slati* "посылать, слать";
- арм. *xun* "немного", рус. хинить;
- арм. *ul* "дорога", ст.-сл. *ul-ica*;
- арм. *argand* "утроба", ст.-сл. *gradъ* "грудь";
- арм. *t'at'avem*, аор. *t'at'aveci* "таять", ст.-сл. *topiti* "топить";
- арм. *sartnum* "надоедать", ст.-сл. *szedeti se* "сердиться".

Среди армяно-славянских лексико-семантических параллелей следует отметить такое совпадение, как арм. *usanim* "учиться" и ст.-сл. *učiti se*. Принадлежность этого слова к духовной сфере делает его особенно интересным.

Далеко не все элементы лексики могут претендовать на право быть отнесенными к индоевропейской эпохе. В армяно-славян-

ских лексико-семантических сходжениях не находят отражения понятия, связанные с характером общественных отношений и правовых норм: обозначение племенной собственности, изгнание из племенной среды, право наследования, общественное право и т.д., так как эта терминология сложилась после выделения протоармян и протославян из индоевропейской языковой общности.

Нигде лексика индоевропейских языков не расходится так разительно, как в терминах, касающихся религии. Исконное индоевропейское название "бога", связанное с обожествлением дня, солнечного света, сохранилось лишь в нескольких языках: арм. *dik* "боги" имеет параллель в др.-инд. *dhiṣnya* "благоговейный, благочестивый", греч. *θεός* "бог", лат. *festus* "праздничный". Славянские языки входят в другой ареал, связанный с представлением о боге, как о раздающем богатство (*δοτῆρες ἑάων*), вед. *Vṛhadan* - "наделитель", др.-перс. *vada* "бог", ст.-сл. *vodъ*, фрнг. *Vaṛaṭos* "Zeús Φρύγιος".

Можно утверждать, что выделение протоармян и протославян из индоевропейской языковой общности произошло до того времени, когда индоевропейцы широко познакомились с металлами: ни в армянском, ни в славянских языках нет ни одного общего названия металлов и процессов, связанных с их обработкой. Вышеприведенному положению не противоречит наличие армяно-славо-латинской изоглоссы: арм. *darbin* "кузнец", ст.-сл. *dobъzъ* "кузнец", лат. *faber* "ремесленник", так как первоначальное значение этого слова было "мастер, умелец".

Согласно приведенному материалу, общее количество армяно-славянских лексических изоглосс составляет 253, из них юго-восточные ареальные изоглоссы - 18, армяно-балто-славянские - 16, эксклюзивные армяно-славянские изоглоссы - 17.

З а к л ю ч е н и е

Наличие определенного количества фонетических, морфологических, лексико-семантических параллелей, характерных для армянского и славянских языков дает основание сделать общий вывод о том, что в определенные периоды эти языки характеризовались

диалектной общностью в пределах юго-восточного ареала индоевропейской языковой общности, что, безусловно, не снимает вопроса о тесных связях славянских и германских языков, относящихся к более позднему времени.

Армяно-славянские лексико-семантические сходжения проливают свет не только на ареальные взаимоотношения между индоевропейскими языками, но и дают представление о характере этих связей как с лингвистической, так и социально-исторической точек зрения, позволяют установить связь между развитием языка и общественными отношениями, выделить лексические пласты в их пространственной и хронологической соотнесенности.

По материалам диссертации опубликованы следующие работы:

1. Видоизменение системы индоевропейских чередований в старославянском и древнеармянском языках. Вестник ЕГУ, №3, 1971.
2. Детерминативы в древнеармянском и старославянском языках. Вестник общественных наук. АН Арм.ССР, № 2, 1972.
3. Армяно-славянские лексико-семантические параллели и их историко-лингвистическое значение. Историко-филологический журнал. АН Арм.ССР, № 2, 1972.